

ВКРАПЛЕНИЯ В РЕЧИ РЕБЕНКА-БИЛИНГВА

Чиршева Г. Н.

Череповецкий государственный университет (Череповец, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6627-693X>

Коровушкин П. В.

ООО «Регион ИДД» (Череповец, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9048-3154>

А н н о т а ц и я. В статье описываются переключения кодов в виде вкраплений в высказываниях ребенка, одновременно усваивающего русский и английский языки в русскоязычной семье в России. Актуальность работы состоит в том, что характеристики раннего детского билингвизма, который становится заметным явлением в разных странах мира, лучше всего можно проследить по лонгитюдным наблюдениям речевой деятельности билингвального ребенка. Рассматриваемый билингвизм формируется по принципу «один человек – один язык» в моноэтнической семье, где мать разговаривает с ребенком на родном (русском) языке, а отец, который также является носителем русского языка, общается с ребенком на английском языке. Цель исследования – выявить особенности структурирования и функционирования вкраплений в смешанных высказываниях ребенка на протяжении пяти лет (от трех до восьми лет). Материал – устные высказывания ребенка – собирался методом наблюдения с видео- и письменной фиксацией. Методика анализа структурных характеристик основана на теории и модели рамки матричного языка, разработанных американским лингвистом К. Майерс-Скоттон. В результате исследования установлено, что разные виды вкраплений помогают понять, какова динамика развития детского билингвизма. В изучаемой ситуации действуют две противоположные тенденции: с одной стороны, наблюдается положительная динамика в формировании англоязычной компетенции, а, с другой, все более активное подчинение английских вкраплений правилам русской морфосинтаксической рамки свидетельствует о том, что русский язык заметно укрепляет свои позиции как доминантный язык в речевой деятельности ребенка-билингва. Результаты исследования могут найти применение в практике формирования раннего детского билингвизма в семье и детских дошкольных учреждениях, где наблюдения за речью детей помогают понять особенности усвоения каждого из двух языков ребенка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: детский билингвизм; русский язык; английский язык; матричный язык; гостевой язык; двуязычие; детская речь; развитие речи.

CODE-SWITCHED INSERTIONS IN THE SPEECH OF A BILINGUAL CHILD

Galina N. Chirsheva

Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6627-693X>

Petr V. Korovushkin

Limited Liability Company “Region IDD” (Cherepovets, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9048-3154>

A b s t r a c t. The article deals with insertions viewed as a sub-type of intrasentential code switches within utterances of a child who simultaneously acquires Russian and English in a Russian family in Russia. Longitudinal studies of bilingual children's speech activities are among the topical research phenomena since they can provide insight into the essential characteristics of early childhood bilingualism development. The bilingualism under

observation is developed according to the principle “one person – one language” in a Russian monoethnic family, with mother speaking her native language and father speaking English, his non-native language, with their child. The authors’ aim is to find out structural characteristics of insertions and their use in mixed utterances of the child during five years of his bilingual development (at the age period between three and eight years old). The data are oral utterances of the child that have been obtained with the help of participant observation fixed by video-taping and written notes. Structural analysis of insertions is based on the theoretical assumptions of the Matrix Frame Model elaborated by an American linguist C. Myers-Scotton. Two opposite trends act in the observed case: on the one hand, English language competence of the child is increasing; on the other hand, Russian as a dominant language has been more and more actively used as the Matrix language in mixed utterances, which subdues English insertions and limits their morphosyntactic significance. The results of the research show how different kinds of insertions reveal the dynamics of childhood bilingualism developed within a family or in a kindergarten.

Key words: child bilingualism; Russian language; English language; matrix language; guest language; bilingualism; children’s speech; speech development.

Для цитирования: Чиршева, Г. Н. Вкрапления в речи ребенка-билингва / Г. Н. Чиршева, П. В. Коровушкин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 236–246. – DOI:10.26170/FK20-02-21.

For citation: Chirsheva, G. N., Korovushkin, P. V. (2020). Code-Switched Insertions in the Speech of a Bilingual Child. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 2, pp. 236–246. DOI:10.26170/FK20-02-21.

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-012-00260.

Acknowledgments: the research was financially supported by the RFBR grant No. 18-012-00260.

ВВЕДЕНИЕ. В данной работе рассматриваются переключения кодов в виде вкраплений в ситуации одновременного освоения ребенком русского и английского языков с первого года жизни в русской семье в России. В этой семье применяется принцип билингвального воспитания «один человек – один язык», хорошо апробированный за более чем сто лет в разных странах мира при усвоении разных комбинаций языков [Ronjat 1913; Leopold 1939; Taeschner 1983; Arnberg 1987; Saunders 1988; Dörpke 1992; Barron-Hauwaert 2004; DeHouwer 2009].

Наблюдаемый нами ребенок (мальчик Миша) усваивает русский язык как родной от матери и ее родственников, а английский – от отца и его родителей, которые являются носителями русского языка, но владеют английским на достаточно высоком уровне. В такой семье, моноэтнической по составу, но билингвальной по коммуникативным характеристикам, формируется детский билингвизм, имеющий ряд специфических черт, детально описанных в ряде работ [Saunders 1988; Чиршева 2012]. Он отличается от билингвизма в биэтнических билингвальных семьях в первую очередь тем, что билингвальность ребенка во многом развивается без бикультуральности, что необоснованно приводит не-

которых исследователей к мысли о том, что детский билингвизм в такой семье нельзя назвать естественным.

Разграничение естественного (natural) и искусственного билингвизма (artificial), или специально изученного, основывается на критерии «способ формирования билингвизма». Дихотомия «естественное – искусственное (формально изученное)» достаточно условна, поскольку оба пути во многих случаях пересекаются и комбинируются. Целесообразнее учитывать степень активности одного из способов формирования детского билингвизма. В изучаемой ситуации ребенок усваивал оба языка в естественной коммуникации, без специального обучения, поэтому естественный способ формирования его билингвизма стал преобладающим. В связи с этим такой билингвизм считаем естественным [Чиршева 2012].

Исследования билингвальной речи проводятся на разнообразном языковом материале, но для нас наиболее значимыми из них являются контакты русского и английского языков, которые к настоящему времени изучаются в разных странах мира [Чиршева 2000; Pavlenko & Jarvis, 2002; Zabrodskaya 2009; Broersma, Izurin, Bultena & deBot 2009; Marian 2009; Чиршева 2012; Мадден 2013; Чиршева, Коровушкин 2017].

Речевой материал, собранный в течение нескольких лет наблюдений, позволяет выявить динамику формирования билингвальной речи и при этом проследить отражаемую в ней специфику развития моноэтнического детского билингвизма.

Методология исследования. Методика анализа переключений кодов в нашей работе основана на концепции американского лингвиста К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 1997; Myers-Scotton & Jake 2017]. Эта концепция легла в основу модели the Matrix Language Frame Model (MLFM), которую в русскоязычных исследованиях мы называем моделью рамки матричного языка (далее – модель РМЯ). Согласно этой модели в билингвальной речи происходит определенным образом организованное взаимодействие двух языков. В соответствии с моделью РМЯ различают: 1) МЯ – матричный язык (the Matrix Language) и ГЯ – гостевой язык (the Embedded Language), 2) содержательные морфемы (content morphemes) и служебные морфемы (system morphemes). Единицей анализа билингвальной речи является морфема как наиболее универсальная для комбинаций типологически разных языков.

В высказываниях с кодовыми переключениями матричный язык определяет специфику построения морфосинтаксической рамки. Это осуществляется на основании двух принципов: принципа порядка морфем (the Morpheme Order Principle) и принципа системных морфем (the System Morpheme Principle), которые определяют порядок морфем и обеспечивают предложение синтаксически релевантными морфемами из обоих языков.

Для разграничения содержательных и системных морфем существуют три критерия. Они заключаются в наличии или отсутствии следующих характеристик: 1) квантификации (дейктичность, количественность, временная рамка); 2) управление семантическими ролями; 3) получение семантических ролей.

Системные морфемы (слова) обладают только первым свойством. В английском языке в эту группу входят: вспомогательные глаголы и глаголы-связки; глагол *do*; предлог *of*, передающий значение родительного падежа; местоимения и местоименные наречия, выполняющие функции формальных членов предложения; вопросительные слова; детер-

минанты; притяжательные прилагательные и другие слова, которые используются в позиции к существительному (*all, any, no* и др.).

Содержательными морфемами является большинство глаголов, предлогов, существительных, качественных (описательных) прилагательных и местоимений, которые их замещают. Качественные и относительные прилагательные и наречия (содержательные морфемы) из ГЯ свободно появляются в смешанных структурах, а притяжательные прилагательные и количественные адъективные местоимения (системные морфемы) этим свойством не обладают.

Переключения кодов по своей структуре могут быть межфразовыми (intersentential) или внутрифразовыми (intrasentential). Последние, в свою очередь, делятся на два вида: 1) переключения между компонентами сложного предложения (clause-switches), в обособленных оборотах (parenthetical switches), в присоединенных частях (tag-switches); 2) переключения в пределах словосочетания или простого предложения. Среди последних различают два подвида: вкрапления и островные переключения – острова гостевого языка (island switches). Островные переключения состоят из одной или нескольких содержательных морфем, могут включать одну или несколько системных морфем ГЯ, например, существительное с артиклем и флексией и т. п.

Здесь мы рассматриваем только вкрапления и их подвиды. Вкрапление представляет собой одиночную лексическую единицу (морфему или слово) ГЯ, подчиняющуюся грамматическим правилам МЯ. Фонетически или графически вкрапления могут быть оформлены по правилам ГЯ или МЯ. Вкрапления не включают никаких системных морфем из ГЯ. Среди вкраплений выделяются собственно вкрапления, «голые формы» и пиджинизированные переключения.

Собственно вкрапления не оформляются системными морфемами ни из ГЯ, ни из МЯ, поскольку занимают такие позиции в предложении, где требуются их исходные формы.

«Голые формы» (bare forms) отличаются тем, что в морфосинтаксической рамке матричного языка они не оформляются грамматическими показателями МЯ, которые требуются в занимаемых ими позициях, например:

Она вышла погулять со своим *dog*. Для этой позиции требуется, чтобы существительное было оформлено окончанием тв. пад. в ед. ч., но этого не наблюдается.

Пиджинизированные переключения представляют собой гибридную структуру, в которой иноязычная лексема полностью вписывается в морфосинтаксическую рамку МЯ, поскольку оформлена его словоизменительными (а иногда и словообразовательными) аффиксами. Обычно у такой единицы иноязычной остается только корневая морфема.

При помощи модели РМЯ в настоящее время анализируются переключения кодов в речи не только взрослых билингвов, но и детей [Lanza 2004; Meisel 1994; Deuchar & Quay 1998; Vihman 1998; Badr, Minnis 2000; Paradis, Nicoladis, Genesee 2000; Schmitt 2000; Shin & Milroy 2000; Lanvers, 2001; Bauer, Hall & Kruth 2002; Comeau, Genesee, Lapaquette 2003; Deuchar & Vihman 2005; Ervin-Tripp & Reyes 2005; Rontu 2007; Zabrodskaia 2009; Vihman 2016]. Мы предполагаем, что ее применение даст возможность сопоставить очередность появления системных и содержательных морфем в ходе порождения билингвальной речи и порядок их усвоения ребенком-билингвом.

В ходе анализа детских переключений внимание уделяется также выбору МЯ, специфике построения морфосинтаксической рамки, соблюдению или нарушению принципов модели РМЯ.

Цель исследования

Цель данного исследования – выявить особенности структурирования и функционирования вкраплений в смешанных высказываниях ребенка на протяжении пяти лет его билингвального развития (от трех до восьми лет). При этом важно проследить, каким образом те или иные структурные виды вкраплений отражают специфику развития детского билингвизма в условиях одновременного усвоения русского и английского языков в русскоязычной моноэтнической семье в России.

Обсуждения и результаты

Вкрапления в высказываниях билингвального ребенка, усваивающего русский и английский языки

Трехлетний ребенок обычно переключается неосознанно и не владеет большинством правил обеих грамматик. При этом важно отметить, что грамматика доминантного языка, объем инпута на котором значительно превышает объем инпута на недоминантном языке, развивается заметно более динамично и потому влияет на структуру всех высказываний, в том числе и на смешанные. Это означает, что ребенок в первую очередь ориентируется на правила построения русских предложений, которые в смешанных высказываниях обычно и строят морфосинтаксическую рамку. Поэтому русский язык в подавляющем большинстве случаев играет роль матричного, а английский – роль гостевого.

В данной работе единицы гостевого языка рассматриваются только в виде вкраплений, т. е. одиночных лексем гостевого языка в высказываниях на матричном языке.

Виды вкраплений

Внутрифразовые (intrasentential) переключения кодов в виде вкраплений реализуются в речи билингвального ребенка как собственно вкрапления, голые формы и пиджинизированные переключения.

Каждый из этих видов вкраплений мы будем рассматривать в хронологическом порядке, начиная с более ранних и заканчивая теми, которые встречаются в возрасте восьми лет.

Собственно вкрапления

Собственно вкрапления английского языка характеризуются тем, что для их функционирования в морфосинтаксической рамке русского предложения не требуется изменения структуры, поскольку они используются в роли подлежащего или прямого дополнения. В связи с этим ребенку не приходится прилагать усилия для совмещения структурных характеристик матричного и гостевого языка. Вероятно, этим обстоятельством и объясняется высокая частотность таких переключений на протяжении всего рассматриваемого периода билингвального развития (от 3;0 до 8;09;11¹).

Среди собственно вкраплений английских лексем у трехлетнего Миши чаще всего появлялись существительные, которым в русской

¹ Здесь и далее в скобках после смешанного высказывания указывается возраст ребенка следующим образом: (год; месяц; день). Например: (3;09;12) = 3 года, 9 месяцев, 12 дней.

морфосинтаксической рамке не требуются системные морфемы МЯ, например:

1. Положив несколько мозаик в машинку и закрыв дверцу, Миша прокомментировал: «Зайка закойшла **door**» (3;03;09).

2. Миша показал на дверь дедушкиной комнаты: «Деда **room**» (3;05;20).

3. Когда бабушка зарычала, изображая льва, Миша сказал: «Я так могу – как **lion**» (3;06;01).

4. Миша показал на покрывало на кровати и сообщил: «Я буду рисовать здесь». Бабушка возразила: «No, it's not paper. You shouldn't paint here». Миша не согласился: «Это **paper**, да, **paper!**» (3;06;04).

Единичными случаями вкраплений у трехлетнего Миши были местоимения (пример 5) и наречия (пример 6). Примеры:

5. Миша не хотел есть кашу, и бабушка начала напевать строчку из песни в английском мультфильме, который они смотрели вместе: «I like porridge». Миша в ответ на эту песенку упрямо повторял: «I – нет» (3;05;26).

6. Миша пил сок и прокомментировал: «Нико много сока пить». Бабушка согласилась: «Yes, you should drink much». Миша почему-то стал возражать: «Нет, не надо **much**. **Much** не хочу. Я не хочу **much**» (3;06;01).

В четырехлетнем возрасте среди английских вкраплений самыми частотными у Миши остаются существительные (примеры 7–9), например:

7. Миша показал куклу-Барбоскина и сообщил: «Это **puppy**» (4;03;28).

8. Увидев дедушку у подъезда, Миша сообщил: «А вон **granddad** стоит» (4;04;22).

9. Миша попросил мать: «Я хочу **peach**» (4;06;18).

Слова других частей речи в виде собственно вкраплений по-прежнему в смешанных высказываниях Миши наблюдаются редко (пример 10).

10. Когда Миша одевался, чтобы выйти на улицу, он сказал бабушке: «Я хочу, чтобы ты в окно сказала **bye-bye**» (4;07;07).

В ряде случаев появление английских вкраплений у четырехлетнего Миши приводило к нарушению принципа системных морфем. Например, английское эмфатическое местоимение в сочетании с русским личным местоимением того же лица в функции подлежащего свидетельствует о нарушении

принципа системных морфем по модели РМЯ:

11. Бабушка хотела помочь Мише строить робота из кубиков, но Миша сказал: «Я сам». Бабушка переспросила: «*Yoursself?*» Миша подтвердил так: «Я **myself**» (4;02;00).

Вкрапления русских слов в английскую морфосинтаксическую рамку, которые наблюдались в речи четырехлетнего Миши, свидетельствовали о том, что английский язык в роли МЯ используется менее уверенно и часто сопровождается нарушением принципа системных морфем (примеры 12 и 13).

12. Показав на картинке утку, Миша сообщил: «А **гусь**» (4;04;22). Он использовал неопределенный артикль с русским существительным, что является нарушением принципа системных морфем РМЯ, потому что артикль (системная морфема) не должен использоваться с существительным (содержательной морфемой) из другого языка.

13. Показывая на ложку, Миша спросил отца: «Я правильно держу? Но **или** yes?» (4;08;05). Нарушение принципа системных морфем РМЯ заключается в том, что в английской морфосинтаксической рамке использован русский союз.

В тех случаях, когда Миша в качестве собственно вкрапления использовал русское существительное, нарушений принципов модели РМЯ не наблюдалось, например:

14. Миша сообщил бабушке: «*Granny, nana is coming*» (4;06;05).

Собственно вкрапления английских слов в речи пятилетнего Миши чаще всего были представлены существительными (пример 15).

15. Бабушка спросила Мишу: «*Will you have tea or juice?*» Миша ответил: «**Tea. Juice** уже выпил» (5;00;30).

Однако среди английских единиц в русскоязычной морфосинтаксической рамке наблюдались и глаголы (пример 16):

16. Миша сообщил: «Я хочу в школу». Бабушка ему ответила: «*You must read and count*». Миша ответил: «Я могу **count: one, two, three** и дальше» (5;00;09). После английского глагола Миша использовал и вкрапления английских числительных, поскольку глагол здесь сыграл роль переключателя (**trigger**), а числительные – переключаемых элементов (**switched elements**) (0 переключателей см. [Clune 1987: 744]).

Русские вкрапления в англоязычных морфосинтаксических рамках у пятилетнего Миши встречались почти с такой же частотностью, как и английские. Примечательно, что делал он это уже вполне адекватно, практически не нарушая принципов модели РМЯ (пример 17).

17. Миша потерял автомат у игрушечного солдата и спросил: «*Where is **пистолет?***» (5;00;01).

В более старшем возрасте (от 6 до 8 лет) собственно вкрапления в речи Миши почти всегда были представлены английскими существительными в русской морфосинтаксической рамке (пример 18).

18. Бабушка сказала Мише: «*Don't rock – you will break the stool!*» Миша ответил: «*He **stool**, a **chair!***» (8;04;19).

Собственно вкрапления, представленные английскими единицами, оставались частотными на протяжении всех наблюдаемых возрастных периодов. В пятилетнем возрасте наблюдалось некоторое равновесие в количестве английских и русских вкраплений, причем среди них, хотя и редко, но встречались и слова других частей речи (глаголы, местоимения, количественные числительные). В старшем дошкольном возрасте (с 6 лет) русский язык становился все более доминантным в коммуникации Миши, что отразилось и на ограничении в лексико-грамматическом разнообразии собственно вкраплений в его речи. Английский язык в смешанных высказываниях Миши после шести лет редко использовался в роли МЯ.

Голые формы

Как уже было указано выше, голые формы гостевого языка представляют собой вкрапления, не оформленные теми грамматическими показателями, которые требуются морфосинтаксической рамкой МЯ. Такие слова могут иметь грамматические показатели ГЯ, но для МЯ они не являются грамматически релевантными. Причины появления голых форм могут быть разными – они зависят и от особенностей развития билингвизма, и от специфики коммуникативной ситуации.

Английские вкрапления в виде голых форм трехлетний Миша использовал довольно часто. На данном этапе это можно объяснить следующим образом: ребенок, уже на-

чинающий усваивать грамматику двух языков, осознавал, что английские слова нужно использовать в определенных словоформах, но еще не был уверен в том, как это делать. Голые формы здесь появляются как компромиссные варианты переключений-вкраплений, что, хотя и по иным причинам, не чуждо и речи взрослых билингвов.

В речи трехлетнего Миши голые формы были представлены английскими существительными, глаголами и прилагательными. Они появлялись только в русских морфосинтаксических рамках, которые Миша часто образовывал, внедряя в них слова из реплик взрослых и поэтому, видимо, не меняя их форм (примеры 19 и 20).

19. Миша попросил бабушку: «*Дай **руку!***». Бабушка попросила сказать: «*Say: 'Give me your hand'*». Миша сказал: «*Дай **hand!***» (3;04;14).

20. Бабушка сказала Мише: «*Say: 'Don't switch on the light'*». Миша повторил так: «*He **надо switch***» (3;05;10).

Самостоятельно образованные голые формы тоже появлялись нередко (примеры 21 и 22).

21. Миша попросил: «*He **water**, хочу сок*» (3;04;24).

22. Войдя без игрушечной ящерицы, Миша сказал: «*Я **lizard** там оставил*» (3;05;13).

Голые формы в смешанных высказываниях четырехлетнего Миши чаще всего были представлены английскими существительными, которые в русской морфосинтаксической рамке он не оформлял падежными окончаниями. Реже встречались прилагательные. Многие голые формы были представлены английскими словами, которые Миша повторял как часть англоязычной реплики взрослого. Вероятно, он не был уверен, каким образом эти слова можно внедрить в русские предложения, поэтому оставлял их без флексий (примеры 23 и 24).

23. Бабушка поела и сказала: «*I'm full*». Миша в ответ сообщил: «*А я еще не **full***» (4;02;00).

24. Подбежав к отцу, Миша сказал: «*Папа, у меня **сопли***». Отец посоветовал ему: «*Take a handkerchief*». Миша ответил: «*У меня нет **handkerchief***» (4;02;00).

В иницилирующих репликах четырехлетнего Миши голые формы также наблюдались не-

редко, что свидетельствует об их привычности в его билингвальной речи (примеры 25, 26).

25. Когда бабушка взяла книжку, лежащую на кровати, Миша сообщил о ней: «*Это по-английски. Там про Raven*» (4;02;00).

26. Миша играл с игрушкой-роботом и сказал от его лица: «*Я bad!*» (4;02;00).

Голые формы пятилетнего Миши включали не только английские существительные (пример 27), но также глаголы (пример 28) и прилагательные (пример 29). Их появление можно объяснить тем, что Миша имел мало опыта изменения английских лексем по русским моделям, а в инпуте таких преобразований не было.

27. Миша сел смотреть мультфильм и спросил, будет ли там музыка: «*С music?*» (5;00;25). Построив предложное словосочетание с русским предлогом, который требовал использования существительного в предложном падеже, окончания он не добавил.

28. Миша сообщил: «*Я могу count: one, two, three и дальше*» (5;00;09). Английский глагол здесь использован без флексии МЯ.

29. Бабушка показала фотографию, на которой дедушка радостно улыбался: «*Mike, have a look, granddad is very happy here*». Миша ответил: «*А я не happy, потому что дедушки больше нет*» (5;08;23). Прилагательное выражено голой формой, вероятно, по двум причинам: а) Миша не имел опыта преобразования английских прилагательных для адекватного внедрения в русскую морфосинтаксическую рамку; б) добавление русской флексии к английскому прилагательному прозвучало бы смешно, а он этого не хотел.

С шести до восьми лет голыми формами в речи Миши были английские слова разных частей речи (примеры 30–33).

30. Бабушка перечисляла цвета пластилина: «*The colors are: white, black, red, blue, brown and violet*». Миша ответил: «*А у Саши нет violet!*» (6;05;15).

31. В ответ на вопрос: «*What game are you playing?*», Миша ответил: «*Играю в chess!*» (8;0;04).

32. Саша хотел сухарик, и бабушка спросила его: «*Are you hungry, Alex?*». Миша за него ответил: «*Он все время hungry*» (8;08;14).

33. В ответ на замечание папы по поводу обращения: «*Don't say so. It's impolite*», – Миша спросил: «*А что polite?*» (8;09;11).

Все голые формы представляли собой английские вкрапления в русских предложениях. Это объясняется и тем, что русский язык в подавляющем большинстве случаев играл роль МЯ, и тем, что ребенок раньше усвоил русскую грамматику и русские слова использовал в адекватных формах.

Поскольку в русском языке Миша к этому времени освоил основные правила словообразования и словоизменения, английские голые формы можно рассматривать как особую дискурсивную стратегию его билингвальной коммуникации: в русском предложении они остаются инородными словами, поэтому не должны принимать русские флексии. Голые формы начинают использоваться как средство когерентности в диалогическом единстве. Примечательно, что в этой функции английские голые формы могли быть не только повторением отдельных слов из предыдущих англоязычных реплик, но и устанавливали ассоциативные (*granddad – beard*), родо-видовые (*game – chess*) и антонимические связи (*impolite – polite*) с предыдущей репликой.

Пиджинизированные вкрапления

Пиджинизированные переключения, которые по модели РМЯ отражают наиболее последовательное применение принципа системных морфем, оформлены теми показателями, которые соответствуют требованиям грамматики МЯ. Пиджинизированных переключений, которые демонстрируют полное подчинение английских слов правилам, действующим в морфосинтаксической рамке русского языка, у трехлетнего Миши было зафиксировано немного. Все они были представлены существительными, которые он использовал в одной из падежных форм (пример 34).

34. Миша взял игрушечную ящерицу и начал пугать им смурфика: «*Боишься lizard-a?*» (3;11;12).

В речи четырехлетнего Миши пиджинизированные переключения тоже встречаются редко. Все случаи – это существительные с русскими падежными окончаниями (пример 35) или окончанием множественного числа (пример 36).

35. Бабушка сказала: «*It smells tasty*». Миша потянул носом: «*Это у granddad-a. Meat*» (4;02;00).

36. Миша погладил подушку и сказал: «Мягкая как *a rabbit*. **Rabbit-ы** бывают такие» (4;09;11).

У пятилетнего Миши пиджинизированные переключения оставались редкими под-видами вкраплений и представляли собой русскую морфосинтаксическую рамку, в которую из английского языка внедрялись корневые морфемы, снабженные русскими флексиями (пример 37).

37. Миша попросил включить песенку «*Skeleton*» и сообщил: «Я видел много **skeleton-ов**» (5;03;23).

Нечасто Миша использовал пиджинизированные переключения (обычно английские существительные) и в последующие возрастные периоды (от шести до восьми лет) (примеры 38 и 39).

38. Миша смотрел мультфильм *Loony Tunes* и повторил вопрос дьявола: «*Where is the rabbit?*» Затем объяснил: «Он должен был **rabbit-a** поймать» (8;01;16).

39. Бабушка назвала карту, которую выложила: «*Knave*». Подкидывая свою карту, Миша прокомментировал: «*Два knave-a*» (8;05;29).

Выводы. Англоязычные одиночные вкрапления в речи Миши от 3 до 8 лет можно, с одной стороны, рассматривать и как частичное отражение его англоязычного словаря, и как свидетельство разной степени освоенности грамматических явлений.

Голые формы указывали на то, что Миша либо не хотел менять формы англицизмов, либо не знал, как это сделать. Однако неумение изменять английские слова по образцу русских относилось только к трехлетнему и четырехлетнему возрасту. Позднее, вероятно, причины были и прагматические: он спешил сообщить информацию, поэтому не планировал адаптировать английские слова к русским словообразовательным и словоизменительным моделям. Потом голые формы начали играть и особую дискурсивную стратегию в его билингвальной коммуникации: они осуществляли когерентность с англоязычной репликой собеседника с помощью повторов английских слов в русских ответных репли-

ках и семантических отношений (ассоциаций по внешнему виду, родо-видовых и антонимических).

Пиджинизированные формы, которых становится больше по мере развития грамматической компетенции в русском языке, показывают, что ребенок умеет перестраивать английские слова по русским моделям, присваивая им необходимые морфосинтаксические показатели. Творческое обращение с формами английских слов указывает на лингвокреативность ребенка-билингва: он не боится создавать инновации, используя средства обоих языков. Однако у Миши они были редким явлением во все периоды его билингвального развития до восьми лет. Это показывает заметную несбалансированность в освоении двух языков: с английскими единицами ребенок обращался как с малознакомыми явлениями и не был уверен, в каких формах их следует употреблять. Следует заметить, что в речи взрослых билингвов пиджинизированные переключения чаще всего выполняют юмористическую функцию. У наблюдаемого ребенка игровая функция межъязыкового взаимодействия до восьми лет была почти не освоена.

Примечательно, что если собственно вкрапления, не требующие изменения формы, могли быть как русскими, так и английскими, то голые формы и пиджинизированные переключения у Миши появлялись только как английские единицы в русском предложении. Это свидетельствует о том, что необходимость использования плотного контакта русской и английской грамматик у ребенка вызывала затруднения, поэтому он делал выбор в пользу русской грамматики, которая была усвоена лучше. Этим объясняется словотворчество с английскими единицами, которые он менял по русским словообразовательным и словоизменительным моделям. Однако опыт применения английской грамматики, хотя и в более ограниченном объеме, не позволял ему часто менять формы английских слов, особенно глаголов и прилагательных, поэтому они появлялись обычно в виде голых форм.

Литература

- Мадден, Е. Интерференция в речи трехязычных детей (11 лет) / Е. Мадден // Россия и Германия: взаимодействия языков и культур / под ред. Г. Н. Чиршевой. – Череповец : Издательство Череповецкого государственного университета, 2013. – С. 135–141.
- Чиршева, Г. Н. Введение в онтобилингвологию / Г. Н. Чиршева. – Череповец : Издательство Череповецкого государственного университета, 2000. – 194 с.
- Чиршева, Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков / Г. Н. Чиршева. – СПб. : Златоуст, 2012. – 488 с.
- Чиршева, Г. Н., Коровушкин, П. В. Смешанные высказывания билингвальных детей в русскоязычной семье / Г. Н. Чиршева, П. В. Коровушкин // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 48. – С. 84–97. – DOI: 10.17223/19986645/48/6.
- Arnberg, L. N. Raising Children Bilingually: The Pre-school Years / L. N. Arnberg. – Clevedon: Multilingual Matters, 1987. – 168 p.
- Badr, Y. Morphological and syntactic code-switching in the speech of an Arabic-English bilingual child / Y. Badr, D. D. Minnis // *Multilingua*. – 2000. – Vol. 19, Issue 4. – P. 383–403. – DOI: 10.1515/mult. 2000.19.4.383.
- Barron-Hauwaert, S. Language Strategies for Bilingual Families: The One-Parent-One-Language Approach / S. Barron-Hauwaert. – Clevedon: Multilingual Matters, 2004. – 240 p.
- Bauer, E. B. The pragmatic role of codeswitching in play contexts / E. B. Bauer, J. K. Hall, K. Kruth // *International Journal of Bilingualism*. – 2002. – Vol. 6, Issue 1. – P. 53–74. – DOI: 10.1177/13670069020060010401.
- Broersma, M. Triggered code switching: Evidence from Dutch – English and Russian – English bilinguals / M. Broersma, L. Izurin, S. Bultena, et al. // L. Isurin, D. Winford, K. de Bot (Eds.). *Multidisciplinary approaches to code switching*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 103–128. – DOI: 10.1075/sibil.41.08bro.
- Clyne, M. Constraints on code-switching: How universal are they? / M. Clyne // *Linguistics*. – 1987. – Vol. 25, Issue 4. – P. 739–764. – DOI: 10.1515/ling. 1987.25.4.739.
- Comeau, L. The Modeling Hypothesis and child bilingual codemixing / L. Comeau, F. Genesee, L. Lapaquette // *International Journal of Bilingualism*. – 2003. – Vol. 7, Issue 2. – P. 113–126. – DOI: 10.1177/13670069030070020101.
- DeHouwer, A. Bilingual First Language Acquisition / A. DeHouwer. – Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2009. – 412 p.
- Deuchar, M. One vs. two systems in early bilingual syntax: Two versions of the question / M. Deuchar, S. Quay // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 1998. – Vol. 1, Issue 3. – P. 231–243. – DOI: 10.1017/s1366728998000376.
- Deuchar, M. A radical approach to early mixed utterances / M. Deuchar, M. Vihman // *International Journal of Bilingualism*. – 2005. – Vol. 9, Issue 2. – P. 137–157. – DOI: 10.1177/13670069050090020201.
- Döpke, S. One Parent – One Language: An Interactional Approach / S. Döpke. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. – 231 p.
- Ervin-Tripp, S. Child codeswitching and adult content contrasts / S. Ervin-Tripp, I. Reyes // *International Journal of Bilingualism*. – 2005. – Vol. 9, Issue 1. – P. 85–102. – DOI: 10.1177/13670069050090010601.
- Lanvers, U. Language alternation in infant bilinguals: A developmental approach to codeswitching / U. Lanvers // *International Journal of Bilingualism*. – 2001. – Vol. 5, Issue 4. – P. 437–464. – DOI: 10.1177/13670069010050040301.
- Lanza, E. Language Mixing in Infant Bilingualism: A Sociolinguistic Perspective / E. Lanza. – Oxford: Clarendon Press, 2004. – 422 p.
- Leopold, W. F. Speech development of a bilingual child: A linguist's record. Vol. 1. Vocabulary growth in the first two years / W. F. Leopold. – Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1939. – 188 p.
- Marian, V. Language interaction as a window into bilingual cognitive architecture / V. Marian // L. Isurin, D. Winford, K. de Bot (Eds.). *Multidisciplinary Approaches to Code Switching*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 161–185. – DOI: 10.1075/sibil. 41.10mar.
- Meisel, J. M. Code-switching in bilingual children: The acquisition of grammatical constraints / J. M. Meisel // *Studies in Second Language Acquisition*. – 1994. – Vol. 16, Issue 4. – P. 413–439. – DOI: 10.1017/S0272263100013449.
- Myers-Scotton, C. *Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-switching* / C. Myers-Scotton. – 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1997. – 285 p.
- Myers-Scotton, C. Revisiting the 4-M model: Codeswitching and morpheme election at the abstract level / C. Myers-Scotton, J. L. Jake // *International Journal of Bilingualism*. – 2017. – Vol. 21, Issue 3. – P. 340–366. – DOI: 10.1177/1367006915626588.
- Paradis, J. Early emergence of structural constraints on code-mixing: evidence from French – English bilingual children / J. Paradis, E. Nicoladis, F. Genesee // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 2000. – Vol. 3, Issue 3. – P. 245–261. – DOI: 10.1017/s136672890000365.
- Pavlenko, A. Bidirectional transfer / A. Pavlenko, S. Jarvis // *Applied Linguistics*. – 2002. – Vol. 23, Issue 2. – P. 190–214. – DOI: 10.1093/applin/23.2.190.
- Ronjat, J. *Le Développement du Langage Observé Chez un Enfant Bilingue* / J. Ronjat. – Paris: Champion, 1913. – 155 p.
- Rontu, H. Codeswitching in triadic conversational situations in early bilingualism / H. Rontu // *International Journal of Bilingualism*. – 2007. – Vol. 11, Issue 4. – P. 337–358. – DOI: 10.1177/13670069070110040101.
- Saunders, G. *Bilingual Children: From Birth to Teens* / G. Saunders. – Clevedon: Multilingual Matters, 1988. – 274 p.
- Schmitt, E. Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia / E. Schmitt // *International Journal on Bilingualism*. – 2000. – Vol. 4, Issue 1. – P. 9–28. – DOI: 10.1177/13670069000040010201.

Shin, S. J. Conversational codeswitching among Korean-English bilingual children / S. J. Shin, L. Milroy // *International Journal of Bilingualism*. – 2000. – Vol. 4, Issue 3. – P. 351–383. – DOI: 10.1177/1367006900040030401.

Taeschner, T. *The Sun is Feminine: A Study on Language Acquisition in Bilingual Children* / T. Taeschner. – Berlin: Springer-Verlag, 1983. – 246 p.

Vihman, M. A developmental perspective on code-switching: Conversations between a pair of bilingual siblings / M. Vihman // *International Journal of Bilingualism*. – 1998. – Vol. 2, Issue 1. – P. 45–84. – DOI: 10.1177/136700699800200103.

Vihman, V.-A. Code-switching in emergent grammars: Verb marking in bilingual children's speech / V.-A. Vihman // *Philologia Estonica Tallinensis*. – 2016. – Vol. 1, Issue 1. – P. 175–198. – DOI: 10.22601/PET.2016.01.10.

Zabrodskaya, A. Evaluating the Matrix Language Frame model on the basis of a Russian-Estonian codeswitching corpus / A. Zabrodskaya // *International Journal of Bilingualism*. – 2009. – Vol. 13, Issue 3. – P. 357–377. – DOI: 10.1177/1367006908346629.

References

- Arnberg, L. N. (1987). *Raising Children Bilingually: The Pre-school Years*. Clevedon, Multilingual Matters. 168 p.
- Badr, Y., Minnis, D. D. (2000). Morphological and syntactic code-switching in the speech of an Arabic-English bilingual child. In *Multilingua*. No. 19, Issue 4, pp. 383–403. DOI: 10.1515/mult.2000.19.4.383.
- Barron-Hauwaert, S. (2004). *Language Strategies for Bilingual Families: The One-Parent-One-Language Approach*. Clevedon, Multilingual Matters. 240 p.
- Bauer, E. B., Hall, J. K., Kruth, K. (2002). The pragmatic role of codeswitching in play contexts. In *International Journal of Bilingualism*. Vol. 6, Issue 1, pp. 53–74. DOI: 10.1177/13670069020060010401.
- Broersma, M., Izurin, L., Bultena, S., et al. (2009). Triggered code switching: Evidence from Dutch – English and Russian – English bilinguals. In Isurin, L., Winford, D., de Bot, K. (Eds.). *Multidisciplinary approaches to code switching*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 103–128. DOI: 10.1075/sibil.41.08bro.
- Chirsheva, G. N. (2000). *Vvedenie v ontobilingvologiyu* [Introduction to childhood bilingualism]. Cherepovets, Izdatel'stvo Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 194 p.
- Chirsheva, G. N. (2012). *Detskii bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvukh yazykov* [Childhood bilingualism: simultaneous acquisition of two languages]. Saint Petersburg, Zlatoust. 448 p.
- Chirsheva, G. N., Korovushkin, P. V. (2017). Smeshannyye vyskazyvaniya bilingval'nykh detei v russkoyazychnoi sem'e [Mixed speech of bilingual children in a Russian family]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 48, pp. 84–97. DOI: 10.17223/19986645/48/6.
- Clyne, M. (1987). Constraints on code-switching: How universal are they? In *Linguistics*. Vol. 25, Issue 4, pp. 739–764. DOI: 10.1515/ling.1987.25.4.739.
- Comeau, L., Genesee, F., Lapaquette, L. (2003). The Modeling Hypothesis and child bilingual codemixing. In *International Journal of Bilingualism*. Vol. 7, Issue 2, pp. 113–126. DOI: 10.1177/13670069030070020101.
- DeHouwer, A. (2009). *Bilingual First Language Acquisition*. Bristol, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters. 412 p.
- Deuchar, M., Quay, S. (1998). One vs. two systems in early bilingual syntax: Two versions of the question. In *Bilingualism: Language and Cognition*. Vol. 1, Issue 3, pp. 231–243. DOI: 10.1017/S1366728998000376.
- Deuchar, M., Vihman, M. (2005). A radical approach to early mixed utterances. In *International Journal of Bilingualism*. Vol. 9, Issue 2, pp. 137–157. DOI: 10.1177/13670069050090020201.
- Döpke, S. (1992). *One Parent – One Language: An Interactional Approach*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. 231 p.
- Ervin-Tripp, S., Reyes, I. (2005). Child codeswitching and adult content contrasts. In *International Journal of Bilingualism*. Vol. 9, Issue 1, pp. 85–102. DOI: 10.1177/13670069050090010601.
- Lanvers, U. (2001). Language alternation in infant bilinguals: A developmental approach to codeswitching. In *International Journal of Bilingualism*. Vol. 5, Issue 4, pp. 437–464. DOI: 10.1177/13670069010050040301.
- Lanza, E. (2004). *Language Mixing in Infant Bilingualism: A Sociolinguistic Perspective*. Oxford, Clarendon Press. 422 p.
- Leopold, W. F. (1939). *Speech Development of a Bilingual Child: A Linguist's Record*. Vol. 1. *Vocabulary Growth in the First Two Years*. Evanston, Ill., Northwestern University Press. 188 p.
- Madden, E. (2013). Interferentsiya v rechi trekh'yazychnykh detei (11 let) [Interference in the speech of trilingual children (11 years old)]. In Chirsheva, G. N. (Ed.). *Rossiya i Germaniya: vzaimodeistvie yazykov i kul'tur*. Cherepovets, Izdatel'stvo Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 135–141.
- Marian, V. (2009). Language interaction as a window into bilingual cognitive architecture. In Isurin, L., Winford, D., de Bot, K. (Eds.). *Multidisciplinary Approaches to Code Switching*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 161–185. DOI: 10.1075/sibil.41.10mar.
- Meisel, J. M. (1994). Code-switching in bilingual children: The acquisition of grammatical constraints. In *Studies in Second Language Acquisition*. Vol. 16, Issue 4, pp. 413–439. DOI: 10.1017/S0272263100013449.
- Myers-Scotton, C. (1997). *Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-switching*. 2nd edition. Oxford, Clarendon Press. 285 p.
- Myers-Scotton, C., Jake, J. L. (2017). Revisiting the 4-M model: Codeswitching and morpheme election at the abstract level. In *International Journal of Bilingualism*. Vol. 21, Issue 3, pp. 340–366. DOI: 10.1177/1367006915626588.
- Paradis, J., Nicoladis, E., Genesee, F. (2000). Early emergence of structural constraints on code-mixing: evidence from French – English bilingual children. In *Bilingualism: Language and Cognition*. Vol. 3, Issue 3, pp. 245–261. DOI: 10.1017/S1366728900000365.

Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Вкрапления в речи ребенка-билингва

- Pavlenko, A., Jarvis, S. (2002). Bidirectional transfer. In *Applied Linguistics*. Vol. 23. Issue 2, pp. 190–214. DOI: 10.1093/applin/23.2.190.
- Ronjat, J. (1913). *Le Développement du Langage Observé Chez un Enfant Bilingue*. Paris, Champion. 155 p.
- Rontu, H. (2007). Codeswitching in triadic conversational situations in early bilingualism. In *International Journal of Bilingualism*. Vol. 11. Issue 4, pp. 337–358. DOI: 10.1177/13670069070110040101.
- Saunders, G. (1988). *Bilingual Children: From Birth to Teens*. Clevedon, Multilingual Matters. 274 p.
- Schmitt, E. (2000). Overt and covert codeswitching in immigrant children from Russia. In *International Journal on Bilingualism*. Vol. 4. Issue 1, pp. 9–28. DOI: 10.1177/13670069000040010201.
- Shin, S. J., Milroy, L. (2000). Conversational codeswitching among Korean-English bilingual children. In *International Journal of Bilingualism*. Vol. 4. Issue 3, pp. 351–383. DOI: 10.1177/13670069000040030401.
- Taeschner, T. (1983). *The Sun is Feminine: A Study on Language Acquisition in Bilingual Children*. Berlin, Springer-Verlag. 246 p.
- Vihman, M. (1998). A developmental perspective on code-switching: Conversations between a pair of bilingual siblings. In *International Journal of Bilingualism*. Vol. 2. Issue 1, pp. 45–84. DOI: 10.1177/136700699800200103.
- Vihman, V.-A. (2016). Code-switching in emergent grammars: Verb marking in bilingual children's speech. In *Philologia Estonica Tallinensis*. Vol. 1. Issue 1, pp. 175–198. DOI: 10.22601/PET.2016.01.10.
- Zabrodsкая, A. (2009). Evaluating the Matrix Language Frame model on the basis of a Russian-Estonian codeswitching corpus. In *International Journal of Bilingualism*. Vol. 13. Issue 3, pp. 357–377. DOI: 10.1177/1367006908346629.

Данные об авторах

Чиршева Галина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет (Череповец, Россия).

Адрес: 162600, Россия, Череповец, пр. Луначарского, 5.

E-mail: chirsheva@mail.ru.

Коровушкин Петр Валерьевич – кандидат филологических наук, менеджер, ООО «Регион ИДД» (Череповец, Россия).

Адрес: 162603, Россия, Череповец, ул. Архангельская, 23 офис 1.

E-mail: korovushkin.petr@mail.ru

Authors' information

Chirsheva Galina Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Germanic Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University (Cherepovets, Russia).

Korovushkin Petr Valerievich – Candidate of Philology, Manager, Limited Liability Company “Region IDD” (Cherepovets, Russia).